

Рец. на: P. Dukes. *A History of the Urals: Russia's Crucible from Early Empire to the Post-Soviet Era*. London: Bloomsbury Academic, 2015. 249 p.*

Sergey Kondratiev
(Tyumen State University, Russia)

Rec. ad op.: P. Dukes. *A History of the Urals: Russia's Crucible from Early Empire to the Post-Soviet Era*. London: Bloomsbury Academic, 2015. 249 p.

Как известно, англоязычная руссика практически необъятна. Русские и славянские центры, созданные в США, Великобритании и других странах, ежегодно издают десятки исследований о России на английском языке. Уже написано немало книг по отдельным регионам, в частности по Сибири и Дальнему Востоку¹. Но и в этой обширной литературе существуют лакуны.

Долгое время англоязычные русисты обходили стороной Урал, пока шотландский профессор Пол Дьюкс, преподающий в университете Абердина, не взялся исправить эту несправедливость. Сравнение Урала с тиглем использовано им не случайно. Выбранная метафора призвана, с одной стороны, акцентировать внимание на взаимосвязанном соучастии различных народов и носителей инаковых конфессий и культур, которые взаимодействовали и «сплавлялись» в ходе освоения огромных пространств, а с другой — отразить значение природных ресурсов и промышленности края в ходе общероссийского и регионального модернизационного проекта. При работе над монографией, охватывающей 500-летнюю историю Урала, автор опирался на материалы источников и многочисленные работы местных исследователей, с которыми он имеет длительные и устойчивые связи. Дьюкс трижды (в 2007, 2009, 2011 гг.) принимал участие в проходивших в Екатеринбурге конференциях, где обсуждалась судьба Урала в контексте российской модернизации.

Урал, по Дьюксу, не ограничивается пределами сегодняшнего Уральского федерального округа или Уральским хребтом,

разделяющим Европу и Азию. Пространственно монография охватывает территорию в 3 тыс. кв. км (от оренбургских и башкирских степей, расположенных на западе, до Западной Сибири и Зауралья — на востоке и от Обской губы — на севере до Казахстана — на юге), обеспеченную разнообразными природными ресурсами — пушниной, лесом, железом, медью, золотом, платиной, нефтью, газом и др. Богатства края, всегда привлекавшие переселенцев, обеспечили хорошие стартовые условия для его развития.

Автор стремится показать ключевое значение Урала в истории России и обозначить причины его отставания от аналогичных индустриальных регионов Британии и США. Дьюкс рисует сложное полотно, где нашлось место экономике, социальным изменениям, миграциям, демографии, административному устройству, управлению, конфессиям и тектоническим культурным сдвигам.

Монография состоит из восьми глав, каждая из которых характеризует определённый период в истории Урала. Автор полагает, что между серединой XVI в. и началом XVIII в., когда Россия переживала опричнину, Смуту, воевала с Польшей и Литвой, переселение на Урал носило характер «неофициального проникновения», в ходе которого «фронтирная» линия с помощью привлечённых казаков (Ермак и др.) отодвигалась на восток. Учреждение в 1637 г. Сибирского приказа, появление уездов, воевод не могли значительно усилить контроль государства над новыми территориями. Именно расположенные в городах отряды казаков

* История Урала: российский тигель от начала империи до постсоветского времени. Лондон: Блумзбери Академик, 2015. 249 с.

и стрельцов долгое время обеспечивали контроль и «сбор 10% поступлений в государственный бюджет с этой дикой периферии». И хотя население Урала и Сибири росло, а территория покрывалась городами и монастырями, «вплоть до конца XVII в. преобладало осознание, что Западная Сибирь остаётся отдалённым регионом, который отделён от центра Московии Уральскими горами» (р. 20). Европейские свидетельства для этих первых 100 лет освоения Западной Сибири и Урала являются наиболее репрезентативными, поэтому автор подробно характеризует первые западные описания Урала и Сибири, в частности знаменитую карту голландца Николааса Витсена (1687) и его книгу «Северная и Восточная Татария» (1692).

Кардинальные перемены в истории Урала наступили в эпоху Петра I, стремившегося преодолеть технологическое и научное отставание от Европы и сделать Россию важным участником европейских процессов. В 1696 г. в Москве получили образцы выплавленного на Урале высококачественного железа, и судьба региона, «важнейшего с точки зрения индустриализации», была решена. Демидовы начали строить заводы, а в 1716 г. Россия уже впервые экспортировала железо в Британию. На Урал, ставший базисной точкой железнорудного производства, выплавки меди и бронзы, из центра отправили значительное число мастеровых. Там был основан город Екатеринбург и появилось светское образование. По поручению государя немецкий естествоиспытатель Даниель Мессершмидт описал регион и сделал его картографирование. По мнению Дьюкса, в XVIII в. Британская (морская) и Российская (материковая) империи находились на подъёме, который для последней обеспечивал именно Урал.

Наступил золотой век в истории Урала: перестав быть российским захолустьем, он полностью интегрировался в состав империи. Благодаря этому краю Россия производила и экспортировала больше, чем любая другая страна мира. В середине XVIII в. на 17 государственных и 116 частных предприятиях региона производилось 1,5 млн т железа и 50 тыс. пудов меди. Ресурсы от продажи металлов, пополнявшие казну, позволили империи проводить эффективную внешнюю политику, выйти к южным

тёплым морям, расширить границы державы и развить территории Урала — в результате улучшились хозяйство его городов и местная культура. Автор, правда, не стремится преувеличивать успехи, подчёркивая, что только 1% уральских крестьян в начале XIX в. знал грамоту. В монографии особо отмечены преобразовательная деятельность В.И. Геннина и В.Н. Татищева, оценены исследования Г.Е. Миллера, Ж.Г. Гмелина, Ж.Н. Лисли, Т. Конигфельса, П.С. Палласа, описаны волнения среди автохтонного населения, восстание Е. Пугачёва и трагическая судьба старообрядцев (р. 24–43).

Однако в XVIII в. началась промышленная революция в Британии, позволившая ей отказаться от российского и шведского металла. Урал же, не реагируя на вызовы, продолжал использовать традиционную технологию выплавки металлов, основанную на древесном угле, что предопределило его отставание и затем длившуюся весь XIX в. стагнацию. Препятствием послужило сохранившееся крепостничество и отсутствие свободного рынка труда в крае. Вместе с Уралом позади своих «имперских соперников» осталась и Россия. Не суждено было сбыться надеждам как посещавшего Урал в 1827 и 1829 гг. Александра Гумбольдта, считавшего, что регион может стать русским Эльдорадо, так и анонимного обозревателя, который сравнил в 1850 г. этот российский край с американской Калифорнией.

Отмена крепостного права и другие реформы 1860–1870-х гг., хотя и связали Урал железной дорогой с центром, но гораздо продуктивнее сказались в других регионах страны. Начался индустриальный и экономический подъём Кузбасса, Новороссии, Северного Кавказа, Прибалтики, черноморских территорий, которые в последней четверти XIX — начале XX в. опережали Урал по темпам роста (включая металлургию) в несколько раз. Дьюкс отмечает, что сознание необходимости интенсифицировать рост присутствовало у посещавших Урал экспортеров. В частности, в 1899 г. о важности возрождения в регионе железнорудной индустрии писал Д.И. Менделеев. Он обратил внимание на необходимость строительства транспортных путей, призванных облегчить выход империи на новые рынки, а также на более тесную интеграцию Урала и Тобольской губ., на создание свободных

институтов, привлечение частного капитала в области разработки природных ресурсов, на учреждение специализированного горно-го высшего учебного заведения и т.п. (р. 79).

Однако кризис 1901–1903 гг., затем катаклизмы Русско-японской войны, Первой русской революции и сопровождавшая их экономическая депрессия не позволили даже задуматься о реализации этой программы. Урал продолжал отставать от бурно развивавшегося юга Европейской России. Зато на Урале стала бурлить политическая жизнь: возникли отделения политических партий, профсоюзы, прокатилась волна забастовок и стачек; туда переселились более 250 тыс. крестьян из центральных областей империи.

Новая волна модернизации пришла на Урал, когда победившие после Октябрьской революции большевики приступили к реализации проекта ускоренного развития отсталой страны. Уралу было отведено в нём особое место — именно здесь начали активно строить промышленные гиганты, призванные обеспечить индустриальный прорыв. Одновременно в уральские и сибирские лагеря отправляли и ссылали массы людей, принудительно используемых на различных ударных стройках. В регионе только спецпереселенцев трудилось более полумиллиона.

По замыслу И.В. Сталина Уралу предназначалось стать вторым после Украины промышленным центром, где, кроме добычи руд и выплавки металлов, должны были появиться машиностроение, химическая индустрия и электроэнергетика. Действительно, в предвоенное десятилетие построили 400 предприятий, оборудование для которых покупали за рубежом.

Особое место в монографии уделено строительству Магнитогорска и расположенного на его территории металлургического комбината. Именно тогда на Урале приступили к созданию военно-промышленного комплекса и возникли первые экологические проблемы в связи с загрязнением окружающей среды. Автор отмечает вклад тысяч западных специалистов в сталинскую индустриализацию — они проектировали предприятия, монтировали оборудование, обучали инженеров и рабочих. В результате ускоренной модернизации произошла быстрая урбанизация региона

и значительно ухудшились условия жизни горожан, многие из которых ютились в бараках. Дьюкс не забывает о цене индустриализации, касается тяжёлых последствий коллективизации и затронувших Урал репрессий. Своеобразной жертвой ускоренных сталинских преобразований в крае стало сельское хозяйство, утратившее способность обеспечивать в полной мере промышленный центр продовольствием (р. 121–131).

В послевоенный период индустриальное развитие Урала продолжилось. Автор отмечает существенный (иногда многократный) рост по всем основным отраслям, включая энергетику, добычу нефти и газа. Именно в послевоенное время в регионе окончательно сформировался военно-промышленный комплекс, возникли ядерная индустрия, ракетная промышленность и закрытые города. В 1970-х гг. многие предприятия реконструировали и Урал стал производить в зависимости от номенклатуры от одной трети до половины продукции всего Советского Союза. В крае существенно выросли зарплаты и стандарты жизни, хотя они и отставали от среднероссийских. Здесь наблюдались самая высокая смертность и самая низкая рождаемость.

Шок и подлинный коллапс экономика Урала пережила во время перестройки и в 1990-х гг.: промышленная продукция сократилась на 30%, рост цен в отдельные годы достигал 2000%. Период экономического восстановления и социальной стабильности в крае пришёлся на первую декаду XXI в. Размышляя над судьбой Урала в XXI в., автор сделал следующий вывод: сегодня для Президента РФ В.В. Путина имеется два приоритета — расширенная эксплуатация природных богатств граничащей с Уралом Западной Сибири и их защита от внешних угроз. А ракетно-ядерный щит России, отмечает автор, по-прежнему «куют» на Урале, что обеспечивает его особое для страны значение (р. 196).

В заключение, сравнивая индустриальную историю американского «дикого Запада» и Урала, Дьюкс отмечает значительное отставание последнего, его более слабую заселённость, неразвитую инфраструктуру и преобладание на его территории производств, считающихся «грязными металлургическими», и тех, что связаны

с получением минерального и других видов сырья. Он, следуя Стивену Коткину², обращается к судьбе города Гэри, бывшего центра американского сталепроката, и уральской Магнитки. Первый пережил депопуляцию и деградирует, став жертвой технологий будущего, тогда как второй, по мнению Дьюкса, остаётся в России центром «грязной индустрии из прошлого» (р. 200).

Рассматривая царский и советский проекты модернизации Урала, автор отмечает их заданность и искусственность. Их запускали по инициативе власти и реализовывали принудительным трудом сначала приписанных к предприятиям крепостных, а потом спецпереселенцев и заключённых, либо,

эксплуатируя веру и наивный энтузиазм масс. Достоинством книги, несомненно, является частое обращение П. Дьюкса к редко используемым отечественными историками официальным и неофициальным записям об Урале, принадлежащим иностранным учёным и специалистам.

Примечания

¹ Forsyth J. A History of the Peoples of Siberia: Russia's North Asian Colony 1581–1990. Cambridge, 1992; Wood A. Russia's Frozen Frontier: A History of Siberia and The Russian Far East 1581–1991. L., 2011.

² Kotkin S. Magnetic Mountam: Stalinism as a Civilization. Berkeley, 1995.

Сергей Войтиков

Рец. на: Краткий курс истории ВКП(б). Текст и его история: в 2 ч. / Сост. М.В. Зеленов, Д. Бранденбергер. Ч. 1. М.: Политическая энциклопедия, 2014. 791 с.

Serguey Voitikov (Central state archive of Moscow city, Russia)

Rec. ad op.: Kratkiy kurs istorii VKP(b). Tekst i ego istoriia. In 2 vols. Vol. 1. Moscow, 2014

«История ВКП(б). Краткий курс» — бесспорно, одна из самых известных книг советского времени. Её создание подробно раскрывается в сборнике документов, составленном д.и.н. М.В. Зеленовым и доктором истории Д. Бранденбергером. В первую его часть вошли материалы, отражающие работу над изданием, начиная с 1931 г., а во вторую предполагается включить сам текст учебника (со всеми вариантами, которые удалось выявить¹). По мнению составителей, это позволяет точнее определить и лучше понять характер как самого «Краткого курса», так и участия в его написании секретаря и члена Политбюро ЦК ВКП(б) И.В. Сталина, с 1937 г. лично руководившего авторским коллективом. В книге восстановлены все этапы работы Сталина с текстом: от принятого по его инициативе постановления Политбюро до непосредственной правки (вставок, исправлений, подчёркиваний).

Подготовка сборника заняла около 15 лет. За эти годы Зеленов и Бранденбергер тщательно изучили обширный круг опубликованных исследований и источников, внимательно просмотрели фонды РГАСПИ (именно их дела легли в основу публикации), РГНИ, ГА РФ, РГВА, ЦГА Москвы и Центрального архива Нижегородской области. Так, в ЦГА Москвы сохранились протоколы партийных собраний сотрудников Института Маркса–Энгельса–Ленина (ИМЭЛ), демонстрирующие отношение историков партии к «Краткому курсу» после смерти Сталина, степень их зависимости от официальной концепции и диапазон существовавших между ними разногласий. В ЦАНО, как и в ряде других региональных архивохранилищ, в фонде областного управления по охране государственных тайн в печати (облита) находятся приказы и циркуляры начальников Главного управления по делам литературы и издательства СССР за